Не читай эту книгу! - 8

19 января, 2019 / NasVersix

Редактор: Mata-san

Корректор: Lagged

Заключительная история

Голубой батик

Развязка...

“Я все еще девственница.”

“Не нужно врать. Я итак все вижу.”

“Но это правда. Клянусь Аллахом, я все еще девственница!”

“Тогда чьего ребенка ты носишь в утробе? Призрака?”

“Я не знаю...”

“Ну да, конечно. Знаешь, с тех пор, как я стала акушеркой, я ни разу не ошибалась. У тебя в утробе кто-то есть. Когда пройдут девять месяцев, на свет появится ребенок. И неважно, кто отец ребенка.”

“Но я девственница...”

“Как скажешь, Аном. Я слышала множество историй от девушек, которые хотели сделать аборт. Некоторые говорили, что так вышло случайно. Другие - что возлюбленный нарушил обещание. Кто-то даже утверждал, что жених умер до свадьбы. Ну и, конечно, были жертвы изнасилования. Однако я никогда не слышала, чтобы кто-то из них называл себя девственницей. Ты первая.”

Аном молчала, но взглядом проклинала эту акушерку, которая не верила ей. В то же время, она решительно опровергала то, что врач говорила ей ранее. Даже если не брать во внимание тот факт, что она была беременна больше месяца - она и вовсе никогда не была с мужчиной.

Эта акушерка - идиотка! Аном в сердцах проклинала ее снова и снова.

“Подожди, ты уходишь? А где моя плата?”

“За что я должна вам платить? Вы даже свою работу нормально делать не можете!” презрительно пожаловалась Аном.

“Ох, девочка... не будь ты беременна, я бы тебя пинками отсюда погнала, поняла?!” оскалилась Мак Дом с никотиновой жвачкой во рту.

Аном лениво спустилась по лестнице деревянного дома. Из нее сыпались все мыслимые и немыслимые проклятия, и она не задумывалась, слышит ли их акушерка, или нет. Аном была вне себя от злости, потому что она никогда еще не была настолько обиженной, как сейчас.

С горящим сердцем, Аном пошла домой. Слова Мак Дом все еще жужжали у нее в ушах. Иногда она гневно ворчала:

“Клянусь, я последний раз ходила к этой старой карге. У нее же просто маразм!”

“Мама, я вернулась!” крикнула Аном, переступая порог дома, который достался ей от покойного отца, и в котором она жила только с матерью.

“Куда ты выходила?”

“Никуда. Я просто гуляла по деревне. Любовалась видами.”

“Ты ходила к Мак Дом?”

Аном молчала.

“Аном!”

“А... да?”

“Я спрашиваю, ты ходила к Мак Дом? Утром ты говорила, что в последнее время ты плохо себя чувствуешь.”

“Нет... Со мной все хорошо.”

“Вот как?”

“Я просто хотела пойти к врачу, мама. Я думаю, нельзя во всем доверять словам Мак Дом.”

“Почему это мы не можем ей доверять? Мак Дом стала акушеркой нашей деревни еще в молодости. Именно она помогла мне, когда я тебя рожала.”

“Да. Но ее специализация ограничивается беременностью и рождением детей. А у меня другая проблема. Я не беременна...”

“Да, ты не беременна. Но Мак Дом – умная женщина. Она излечила множество других болезней.”

(Пер.: точный перевод реплики. А вообще, беременность – не есть болезнь:))

“Все хорошо, мама. Завтра я поеду к врачу в город.”

“Хммм... Ну да, конечно.”

“Мама!”

“Хммм...?”

“Где мой голубой батик?”

“Зачем он тебе?”

“Он мне нужен, я хочу принять ванну. Зачем же еще?”

“Он висит на улице.”

Аном выбежала из дома, сняла с веревки батик, развевающийся на сумеречном ветру, и понесла его за дом. Она сняла с длинных волос ободок, стянула с себя изношенную футболку и джинсы, и повесила их на цинковую стену ванной комнаты. Пока она раздевалась, ее сосредоточенный взгляд был направлен наружу через маленькие щели в стене. Она опасалась, что кто-нибудь решит насладиться «бесплатным шоу». Был не один случай, когда деревенские темные личности подглядывали за Аном. И даже бодрящий плеск горячей воды в лицо ничему их не учил.

Ее любимый голубой батик был аккуратно завязан на груди. Аном уселась у бойлера и черпала воду, ведро за ведром, медленно поливая ей тело. Холодно.

Хотя мать и говорила ей много раз этого не делать, Аном постоянно принимала ванну во время

сумерек. Она не знала, почему, но предпочитала именно это время – когда вода холоднее, а небо просто чудесное. Не светло и не темно. Аном любила запрокинуть голову и смотреть на небо ало-пурпурного окраса. А еще лучше – когда было видно Луну, свет которой прорезался из-за облаков.

Пока Аном принимала ванну, ей вспомнился случай, произошедший несколько месяцев назад. Также во время сумерек. Аном вспомнила, что она также собиралась принять ванну, но забыла взять с собой купальный халат. И внезапно увидела голубой батик, висящий на ветви тикового дерева, раскинутого над ванной без крыши. Аном несколько раз попыталась снять батик с дерева, но ветка росла слишком высоко, и она не смогла до нее достать. Некоторое время она смотрела на батик, и под дуновением ветра он сам упал ей в руки. От него исходил приятный запах, и он казался новым. Аном подумала, что ее мама недавно купила его, и сразу повязала его на груди. Тогда она принимала в нем ванну первый раз.

“Аном!” мысли Аном развеял голос Марии.

“Да, мама.”

“Ты еще не закончила мыться? Люди готовятся к азану... Нехорошо быть на улице в такое время. Сейчас по улицам бродит много призраков и демонов. Сколько раз тебе говорить? Почему ты такая упрямая?”

“Да, да... Я уже захожу. Уже заканчиваю,” сказала Аном, выходя из ванной. Мария стояла и ждала ее у задней двери со злым лицом. Она была очень недовольна поведением дочери.

Аном беспечно вошла в дом. Когда Аном проходила мимо, Мария посмотрела на голубой батик, надетый на дочери и покрывающий ее тело от груди до пят.

“Потом его повесишь. Просто не бросай его, где попало. А еще лучше, выброси.”

“Эм... зачем?”

Аном села за обеденный стол и взяла пластиковую пиалу с горчицей, стоящую в центре.

“И ты еще спрашиваешь, зачем? Мы не знаем, кому он принадлежит. Ты просто забрала его, как будто он твой,” сказала Мария, протягивая Аном кухонный нож.

“А кто просил их оставлять его на дереве? Нашла – значит, мое. И потом, я пользуюсь им уже несколько месяцев, и его никто не искал. И меня даже не арестовала полиция,” саркастично ответила Аном. Ее руки ловко нарезали овощи, которые скоро должны были пойти на суп к ужину.

“Хах... думаешь, это смешно? Это неважно. Просто нехорошо пользоваться чужими вещами. Не

говоря уже о том, что мы не знаем, откуда эта вещь. Разве ты не боишься? Кто знает – вдруг этот батик оставил призрак? А теперь ты его носишь.”

“Ну это уже просто смешно, мама...”

“А откуда тебе знать? Я уже молчу о том, что ты любишь принимать ванну в сумерках. В конце концов, это их время...”

Мария попыталась напугать Аном, хотя и понимала, что шансы на это были ничтожно малы. У ее дочери было каменное сердце. И достучаться до нее всегда было крайне сложно.

“Даже если это и так, то это хорошо. Все призраки преследуют людей. А этот, вместо того, чтобы напугать меня, оставил мне подарок. Вроде мелочь, а как приятно...” шутила Аном. От ее слов Мария еще больше разозлилась, едва уловив игривый тон дочери.

“Мама, ну я же просто шучу... ну чего ты?”

“Хммм... ну-ну. Все, хватит. Иди и помолись. После этого поможешь мне с ужином.”

“Хорошо!”

Аном встала и обняла маму со спины, оставив поцелуй на ее морщинистой щеке. Мария улыбнулась, не зная, что ей делать со своей дочерью.

Утром следующего дня Аном собиралась в город. Она надела белое баджу курунг в джохорском стиле (Пер.: Джохор – город в Малайзии) с коричневыми анисовыми узорами. Ее длинные волосы были собраны в пучок и закреплены заколкой в виде бабочки. Почему-то, несмотря на низкий достаток, она старалась одеваться красиво.

Когда Аном выходила из дома, Мария подметала сухие листья во дворе.

“Мама, я еду в город,” сказала Аном, быстро проходя мимо матери.

“Эм... зачем? Аном! Я спрашиваю, зачем тебе туда ехать?”

“Я еду к врачу на осмотр. Мне до сих пор не очень хорошо...” сказала Аном, и тотчас же ушла.

“Будь осторожна, Аном...” напомнила Мария.

В клинике.

“Что?!”

“Да.”

“Доктор, вы уверены?”

“Я уверен. Результат положительный. Вы беременны, мэм.”

Аном пребывала в шоке. Она ничего не могла сказать. Ее сердце разрывалось от этих новостей. Аном не могла в это поверить, хотя данный диагноз она получила уже второй раз. Чтобы убедиться в том, что это действительно правда, она пошла к другому врачу. И на сей раз ее шокированное лицо превратилось в испуганное и потерянное. Ответ был все тем же. Она была беременна, и ребенку в ее утробе было уже два месяца.

Когда Аном выходила из клиники, каждый новый шаг был наполнен вопросами, а каждый вздох – болью и удушьем. Она была не только одновременно напугана и ошеломлена, но и постоянно думала о том, как ей обо всем этом рассказать матери. На самом деле, она всей душой надеялась на то, что найдется кто-то другой, кто расскажет ей об этом, потому что она сама не знала, как это объяснить.

“Если бы ты только умел говорить, ты бы мог рассказать, откуда ты у меня...” прошептала Аном, поглаживая живот.

Когда Аном вернулась домой, она не сразу вошла в дом. Она взяла свой голубой батик и направилась в ванную.

Аном стояла посреди ванной комнаты с мрачным выражением лица, подобно небесам над ней. Ей было очень тревожно. Ее мозг работал, но она не могла к нему прислушаться. Аном почувствовала слезу, стекающую по щеке. Позже эта капелька превратилась в неуправляемый поток. Всклипывая, Аном запрокинула голову под раскаты грома.

Мокрыми глазами она смотрела, как дождь падает ей на лицо. Аном была истощена. Может быть, это было словом, которое она не могла найти. Может быть, она это чувствовала. А может быть, в ту самую секунду она об этом подумала. Но она сдалась.

Аном долго сидела на коленях. Дождь продолжал биться о ее тело, будто смывая все тревоги, наполняющие в тот момент ее сердце.

“Я знаю себя. Знаю, чем я занималась всю свою жизнь. Важно то, что Аллах со мной, потому

что правда на моей стороне. Дитя, ты мое. И неважно, откуда ты – ведь я единственная, кто носит тебя под сердцем. Я сдаюсь. И вверяю Аллаху свою душу. Я сдаюсь...”

После того, как Аном промолвила эти слова, она встала и вошла в дом с новыми силами и полная уверенности.

“Мама...”

“О Господи, Аном! Почему ты вся промокшая?” – спросила Мария, когда увидела, что голубой батик дочери промок до нитки в дождевой воде.

Аном не ответила матери, а лишь приблизилась к ней и спокойно ее обняла.

“Мама, я должна тебе кое-что сказать, и я надеюсь, что ты спокойно и терпеливо меня выслушаешь...” прошептала Аном, после чего рассказала обо всем, что случилось.

Шесть месяцев спустя...

Живот Аном вырос уже до внушительных размеров. Куда бы девушка ни пошла, люди бросали на нее осуждающие взгляды. У людей была тысяча догадок о том, кто был отцом ребенка. Ребенка, который будет рожден до брака.

Хотя жизнь Аном была наполнена невзгодами с момента беременности, ей было все равно. Она совершенно не обращала внимания на злые взгляды окружающих в ее адрес. Аном пропускала мимо ушей сплетни и различные клички, которыми награждали ее местные жители. Все это она просто игнорировала. Было важно лишь то, что она знала, кто она есть, и что то же самое знал Аллах. Пусть местные не верят, когда она говорила, что никогда не спала с мужчиной. Важно было лишь то, что Аллах знал о ее невинности.

Аном вообще не винила людей за такое поведение. Она понимала, что никто не поверит в то, что она девственница, когда было очевидно, что она беременна. И действительно, в такое было невозможно поверить. Поэтому Аном принимала любые оскорбления от окружающих.

Однако была одна вещь, которую Аном не выносила. Каждый раз, когда она слышала одну из кличек в адрес себя и своего ребенка, кровь ее закипала.

‘ДИТЯ ПРИЗРАКА’

Поначалу Аном думала, что эта кличка – просто злые необдуманные слова местных по отношению к ней и к ребенку, которого она носила. Однако в последнее время она начала понимать, что эта кличка начала все более тревожить ее, и что под этими словами скрывалось

нечто большее.

“Мама, почему люди называют моего ребенка «дитя призрака?»” спросила Аном сразу же, как Мария переступила порог дома, вернувшись с рынка.

Лицо Марии помрачнело, лишь доказывая то, что от Аном что-то скрывали.

“Ну, ты же понимаешь – это все злые языки. Не обращай внимания...”

“Но мама, ты же знаешь, почему они так говорят, правда? Ты всегда ходишь на рынок, и ты, наверное, слышала истории об этом. И я хочу знать, почему ребенка, которого я ношу, так называют. Я могу принять «внебрачное дитя», «нагуляла», но почему они зовут его «дитя призрака?»”

Мария присела, снимая шарф и обмахиваясь им от жары.

“Недавно в деревне случилось несколько инцидентов. Ты о них не знаешь, потому что ты постоянно сидишь дома. Эти случаи очень странные, но я не знаю, как они могут быть связаны с тобой...” вздохнула Мария.

“Какие случаи?”

“Ты же знаешь, что несколько человек в нашей деревне умерли от шока? И их смерти нет объяснения. Причем, каждый из них скончался при одинаковых обстоятельствах. Как будто... перед смертью они увидели что-то страшное...”

Аном кивнула. Ранее она слышала о подобных случаях.

“Но причем тут мой ребенок?” спросила Аном, нежно поглаживая живот. Возможно, она хотела успокоить дитя, которое беспокоится и пинается.

“Может быть, ты и не замечала, но умершие были в некоторых отношениях с тобой.”

“В каких отношениях?”

“Я не уверена... Это лишь слухи. Не нужно заморачиваться.”

“Мама... просто скажи мне...” настаивала Аном, отчего Мария почувствовала себя виноватой.

“Ну, вроде бы... за день до их смерти они плохо о тебе говорили.”

“Мама... если так, то умереть должна была уже вся деревня. Каждый плохо говорит обо мне за спиной.”

“Есть некоторые различия. Умершие оскорбляли тебя в лицо, а не за спиной. Ты помнишь Салину? Ты встретила ее, когда шла в магазин, и та назвала тебя шлюхой. Через несколько часов местные нашли ее в лесу мертвой, с широко раскрытыми глазами.”

Сердце Аном сжималось. Она вспомнила. Салина сказала ей это прямо в лицо, а потом внезапно умерла. Но Аном никогда не связывала между собой эти два события.

“А еще, помнишь того мальчика по имени Аджой? Несколько месяцев назад он дразнил тебя, просил жениться на нем, мол, никто больше не захочет на тебе жениться, потому что ты, якобы, дефектный товар? В ту же самую ночь он умер в своем доме, один, с широко открытыми глазами и гримасой ужаса на лице.”

Аном пыталась отдышаться. В груди ее было тяжело, внутри все словно сжималось. После этого она пыталась вспомнить случаи, когда местные в глаза оскорбляли ее и ее ребенка. И действительно – после этого каждый из них умирал от шока. При тех же самых обстоятельствах. Все шестеро.

“Хватит, Аном... не думай об этом. Это все лишь совпадения. Ты же знаешь местных. Они любят думать о подобной чепухе. Не может быть так, что ребенок у тебя под сердцем как-то связан со смертью тех людей. Смерть всегда только в руках Аллаха. Теперь перестань думать. Иди соверши омовение и прочитай молитву-иша. Помолись Аллаху, чтобы избавить себя от неудач.” посоветовала Мария своей несчастной дочери.

Молиться. Это все, что Аном могла делать. Остальное было в руках Аллаха. Иногда люди не могут понять, почему с ними случаются те или иные вещи. Однако, как Его слугам, нам не нужно этого понимать. Мы должны верить, что на все, что делает Аллах, есть свои причины.

О Аллах, Господь наш,

Господь вселенной,

Тот, кто создал зримое и незримое,

Тот, кто дал мне жизнь,

И тот, к кому я вернусь,

Я взываю к тебе, о Аллах,

Отпусти мне мои прошлые грехи,

И проложи передо мной ровную дорогу,

Приблизь меня к добродетели,

Защити меня от зла,

Даруй мне достаток,

Огради меня от несчастий,

И всего зла на свете...

Ай...

Аном дотронулась до живота. Затем она почувствовала, что нижняя часть ее молитвенного облачения намокла. Аном кричала, звала Марию, но ее не было дома. Аном вспомнила, что мать ушла к Мак Дом на массаж.

В приступе невыносимой боли, Аном поползла до входной двери и с невероятным трудом заставила себя встать. Мак Дом жила не так далеко. У Аном не было другого выбора, кроме как идти к ней самостоятельно. Она шла изо всех сил в молитвенном облачении, яростно раздираемом сильными порывами ветра. Пошатываясь, Аном подошла к дому Мак Дом, держась за живот и корчась от боли. Дитя боролось за жизнь, готовое выйти и увидеть этот темный мир.

Когда она вошла в дом, Марию и Мак Домхватила оторопь, но ей сразу начали помогать. Аном положили посреди дома, а Мак Дом готовилась принять младенца.

Сильный ветер без остановки гремел каждой дверью и окном в доме Мак Дом, открывая и закрывая их под аккомпанемент грома и молний. Но на улице не было ни намека на дождь. Аном кричала, пока голос не начал срываться. Она испытывала неопишемую боль. Боль, не сравнимую ни с ударами грома, ни со слезами и криками Аном, бившейся в болезненной агонии.

Мак Дом паниковала. Она принимала роды сотни раз, однако, она ни разу не была в подобной ситуации. Каждая женщина при родах испытывает боль, но не такую, с которой столкнулась эта девушка, либо которой меняло цвет с красного до синего. Казалось, что ее глаза вот-вот вылетят из орбит, а вены и капилляры на ее теле вздулись настолько, будто готовые взорваться.

Мария услышала шум и крики снаружи. Выйдя за дверь, она увидела, как к дому подходят несколько местных жителей с факелами в руках, кричащих «Аллаху Акбар!»

“Что вы здесь делаете, а? Мой дочь рождает. Уходите!” кричала им Мария с веранды.

“Мы не хотим, чтобы Аном и ее дитя призрака жили в нашей деревне. С тех пор, как она забеременела, произошло много страшных вещей. Многие невинные погибли. Мы решили, что Аном и ее ребенок не будут здесь жить! Она должна отсюда исчезнуть сейчас же!” сказал молодой человек при бурной поддержке толпы.

“Подождите. Потерпите. Не нужно так спешить. Сжальтесь над моей дочерью. Она рождает прямо сейчас. Она борется за свою жизнь. Не поступайте так... прошу...!” умоляла Мария.

Однако ее мольбы уходили в пустоту. Местных охватил неконтролируемый гнев. Некоторые даже, казалось, потеряли разум. Они забыли о любви и милосердии, дарованных Аллахом каждому человеку. У каждого из них на плече сидел дьявол, нашептывая на ухо слова гнева и жестокости.

Не давая шансов остановить себя, они бросили факелы к дому Мак Дом. Мария вбежала внутрь. Она схватила Аном, пытаясь вытащить ее из горящего дома, но хозяйка дома остановила ее – ребенок уже выходил.

Мак Дом попросила Аном потужиться еще раз, но та была слишком слаба. Все ее тело было словно парализовано. И только в ее взгляде еще оставалась жизнь. Она отчетливо видела разгорающееся пламя, языки которого жадно охватывали крышу у нее над головой. Глаза Аном бегали по сторонам. Пурпурно-красное пламя танцевало вокруг нее, будто звало за собой, ожидая ее с распростертыми объятиями.

Мак Дом постоянно выкрикивала имя Аном, но она не отвечала. Она просто лежала без движения. У Мак Дом не было выбора, и она просто вытащила из девушки ребенка, пока огонь разгорался, становясь больше и больше. Мак Дом передала ребенка Марии, чтобы та быстро вынесла его из дома, а сама она смогла вытащить оттуда Аном. Но, по неизвестной причине, маленькое тело Аном казалось тяжелым, словно камень. Даже такая сильная женщина, как Мак Дом, не смогла сдвинуть ее с места.

Наконец, в слезах, Мак Дом поцеловала холодный лоб Аном, когда к ним стало приближаться пламя. Огонь уже поджигал одежду девушки, и хозяйке дома с тяжелым сердцем пришлось оставить Аном в доме. Ее было уже не спасти. Видимо, пришло ее время.

И вот, Аном лежала одна посреди дома, в котором произвела на свет своего ребенка. Она лежала на полу дома, который ознаменовал жизнь ребенка и смерть матери.

И хотя она не могла двигать губами, в душе она прочитала шахаду.

Аном с миром закрыла глаза, чувствуя, как жар целует кончики пальцев. Жар, который, разрастаясь, превращался в боль. Боль, которую не мог вообразить ни один живой человек. Аном билась в агонии, чувствуя, как пламя выедало ее тело. И вот, спустя мгновение, она заснула вечным сном.

Она заснула, принимая свою судьбу и молясь о том, что ее жизнь в другом мире станет лучше. Наверное, Аллах бы захотел принять ее душу в рай.

Из Аном медленно ушла жизнь. Спокойно. Мягко. Почти прекрасно. Огонь – поистине удивительная вещь! Он красивый, мягкий, завораживающий. Он приковывает к себе и, в то же

время, забирает жизнь. Пока весь дом не выгорел, пламя танцевало в порыве счастья. Счастья от того, что оно могло унести душу Аном туда, откуда она пришла в этот мир. Освобождая Аном от всего мирского зла.

Семь лет спустя...

После долгих путешествий у Марии, наконец, не осталось мест, куда можно было бы уехать. У нее больше не было мест, где она могла бы себя защитить. С невыносимой горечью на душе, Мария вернулась в свой старый дом. Вместе со своим внуком, который уже подрос.

Мария стояла посреди дома. Ничего не изменилось. Лишь только вещи были пыльными и старыми.

Внезапно Мария почувствовала, как кто-то тянет ее за баджу курунг.

“В чем дело, Адиб?” спросила Мария своего внука, сына погибшей Аном.

“Бабушка... а где мамин голубой батик?” вдруг спросил Адиб.

“Какой голубой батик?”

“Ну тот... в котором мама принимала ванну.”

Мария сморщила лоб. Откуда Адиб узнал об этом батике? Даже она уже позабыла о нем. И все же, Марию это обеспокоило. Она вошла в старую комнату Аном и вытащила из шкафа ее любимый батик.

“Вот он. Что ты собираешься с ним делать?”

“Это не мне. Мой папа хочет его.”

“Твой папа? А кто он?” спросила Мария, шокированная ответом внука.

“Мой папа. Он сказал, что давным-давно он подарил его маме. Но теперь он хочешь его забрать. Он нужен ему в качестве памятного подарка, ведь мамы больше нет с нами... Бабушка, подожди немного. Я отдам это папе, он ждет снаружи,” сказал Адиб, и выбежал на улицу.

Мария следила за Адибом через окно, увидев, как он ушел за дом в сторону ванной.

Мария наблюдала за движениями мальчика из окна через цинковую стену. Адиб подошел к тиковому дереву, одна из ветвей которого склонялась над ванной без крыши. Это было то самое место, где Аном впервые увидела свой любимый голубой батик. Тот самый батик, который надевала каждый раз, когда шла в ванную, до конца своей жизни.

Адиб выкопал неглубокую ямку прямо у ствола дерева, после чего с довольным видом положил в нее батик и закопал его.

Мальчик поднялся и помахал Марии со словами:

“Бабушка! Я вернул папе мамин батик. Он сказал «спасибо!»” кричал Адиб с улыбкой.

“Астагфируллах-аль азим...” сказала Мария, схватившись за сердце.

Она выбежала к Адибу, тщательно осматривая тиковое дерево сверху и снизу. Вдруг Мария увидела слова, выцарапанные изнутри ствола. Текст был написан на тайском, но она его понимала - ее отец был из Сонгкхла. Текст переводился так:

Дерево шепчет

Тем, кто слышит,

И ласкает ветвями

Тех, кто чувствует.

Гладит листьями

Упавших духом.

Это дерево шепчет в тишине,

Принимая каждую погибшую душу,

Сливая шепот в песню,

Словно солист лесного оркестра,

Разрывая маленькое сердце,

Затрудняя дыхание,

Сковывая разум,

Пока душа не будет чувствовать

Лишь только шепот деревьев...

Когда Мария закончила читать выцарапанные на дереве слова, она почувствовала головокружение. И вдруг упала рядом с деревом без сознания.

Ничего не предпринимая, Адиб лишь посмотрел на свою лежащую на земле бабушку. Затем он спокойно подошел к дому и сел на ступеньки. Он ждал, пока мужчина по имени Мунир придет и поприветствует его. Мунир забрал его к себе домой. И теперь они всегда будут вместе. До конца времен.

-Конец-

Но для нас это только начало...

Правда, брат Мунир?

Черная книга упала из его рук на пол. Его тело пробиравало мелкой дрожью от страха. Как он сам мог попасть в книгу?

Мунир схватил телефон, собираясь позвонить Сурае. Он просто хотел убедиться в том, что с ней все в порядке. Однако до того, как он нажал кнопку, на его телефон поступил звонок от Сахара.

“Ассалам Алейкум...”

“Алейкум Ассалам...” вяло ответил Сахар.

“В чем дело, Сахар?” спросил Мунир.

“Сурая... она умерла.”

“Что?!”

“Несчастный случай. Погибла на месте. Смертельная травма головы.”

“А Адиб?”

“Адиб в безопасности. Сейчас тело Сураи еще в больнице. Адиб тоже там. Сейчас я поеду туда. Ты приедешь?”

Мунир кивнул, ничего не сказав, и, положив телефон в карман, схватил ключи со стола и вышел из дома, чтобы вскоре увидеть тело своей возлюбленной.

Той ночью...

Мунир вместе с семьей Сураи по очереди подходили к телу Сураи, чтобы проститься с ней, читая Ясин. Было уже три часа ночи. Хазра и Суфиян уже уснули, не выдержав моральной усталости. Мать Сураи, Хасма, молилась наверху, в своей комнате. Рядом с телом, лежащим посреди гостиной, оставались только Мунир, Сахар и Адиб.

Посреди чтения Ясина, Сахар извинился, сказал, что у него болит живот, и ушел в туалет. И вот, с Сураей остались только Мунир и Адиб. Адиб сидел рядом с Муниром, но вдруг встал и направился к телу усопшей. Он сел у ее изголовья и погладил ее по голове, после чего поцеловал ее холодный лоб. Мунир просто сидел и наблюдал, не говоря ни слова.

Внезапно он увидел, что Адиб делает кое-что странное. Казалось, что он шепчет что-то над телом Сураи.

“Адиб, что ты делаешь?” спросил Мунир, повысив тон. Он был очень недоволен поведением мальчика.

“Ничего. Я просто зову маму...”

“Что ты сказал? Это старшая сестра Сурая, а не твоя мама.”

“Ну да... но мама сейчас придет...”

И после этих слова Адиба в холодной комнате внезапно стало жарко. Невыносимо жарко. Будто она горела.

Мунир встал. Он был растерян. Оглядываясь по сторонам, он пытался найти источник этого жара. Адиб тоже встал и отошел от тела Сураи.

Тело Сураи, которое секунду назад спокойно лежало посреди комнаты, тотчас же охватил огонь. Каждый его дюйм ласкало красное жаркое пламя, достаточно высокое, чтобы достать до потолка дома.

Мунир упал на спину, с ужасом наблюдая за тем, что происходило. Он пытался кричать, но издавал лишь немой крик. Все, что Мунир мог – это свернуться в клубок, пытаясь стать как можно меньше и защитить себя от дикого пламени, пожирающего тело Сураи.

Мунир закрыл глаза обеими руками, дрожа в страхе и покачиваясь на полу.

Вскоре он почувствовал, как жар постепенно угасал, пока в гостиной не стало холодно, как и

было до этого.

Мунир открыл глаза. Тела Сураи уже не было, а вместо него стояла женщина, одетая в голубой батик, повязанный на груди. Адиб подошел к ней и обнял ее. После чего сказал:

“Мама, я скучал по тебе. Теперь мы снова можем быть вместе...”

У Мунира в глазах стало темно, после чего он, казалось, провалился на дно самой глубокой темной бездны.

Понравился перевод? Поддержите, пожалуйста, лайками. И расскажите о проекте друзьям.

<http://tl.rulate.ru/book/19854/526373>